

Христина и Вильма

Что есть человек, что есть одна судьба человеческая в масштабах государства? Маленькая песчинка, которую бросают из стороны в сторону волны событий и испытывают на прочность течения времени. А если государству угрожает опасность? Тогда эта песчинка вместе с другими подобными ей частичками становится орудием – средством защиты или отвращения угрозы. Но пусть даже во имя достижения «великой цели» ломаются не судьбы отдельных личностей, а и целых народов, главным критерием оценки событий для потомков всё равно останется судьба родных и близких, испытавших на себе последствия национальной катастрофы.

Когда начинаешь задумываться о том, чем поделиться из услышанного от свидетелей тяжёлого военного и послевоенного времени, какой рассказ особенно запал в душу, неизбежно встаёшь перед выбором: что важнее, значимее в человеческом измерении? И случается, что незначительное на первый взгляд событие на поверку оказывается самым важным, изменившим или даже спасшим жизнь всей фамилии.

Предлагаю несколько таких моментов прошлого из рассказов старшего поколения. Они особенно запомнились мне. Может быть, не оставят равнодушным и читателя.

Из воспоминаний Швабауэр (ур. Бауэр) Христины Ивановны (1901 г.р.)

Омская область, весна 1942. Мужа Христины, как и почти всех мужчин деревни, забрали в трудовую армию. Рано утром Христина собралась идти в районный центр, который находился в десяти километрах от её дома. Накануне в деревне был рейд по сбору продовольствия для фронта. Христина в это время навещала больную свекровь в соседнем селе. Пока хозяйки не было дома, со двора увели корову – единственную кормилицу. Уже после предыдущих рейдов в доме почти не осталось съестного. Лишиться теперь ещё и коровы – обрести себя и детей на голодную смерть. Этого Христина допустить не могла, не имела права. Женщина корила себя: казалось ей, будь она дома, отстояла бы корову, не отдала. Теперь Христине предстояло идти пешком до райцентра, там найти ответственного чиновника, попытаться убедить его, чтобы вернули кормилицу.

Дорога, хоть и была дальней, не пугала. Больше всего Христина опасалась предстоящего разговора. Она плохо говорила по-русски и боялась, что у чиновника не хватит терпения вслушиваться в её ломаную речь. В таких мыслях и переживаниях время пролетело быстро; к удивлению и радости Христины, разговор с Уполномоченным тоже прошёл гладко. Взглянув на женщину и поняв, что привело её к нему, начальник написал короткую записку и отправил Христину на окраину райцентра, где в загонах держали весь конфискованный домашний скот. Теперь предстояло среди всех загонов найти нужный и каким-то образом, предъявив сторожу спасительную записку, выгнать корову. Добравшись до загонов, Христина сразу увидела пастуха-сторожа. Грозный как туча, он разъезжал между загонами на коне и следил, чтобы никакая скотинка не отбилась или не была забрана хозяевами. Некоторые деревенские, несмотря на риск быть арестованными, всё же надеялись как-нибудь увести своих бурёнок или коз. Пастух громко ругался, хлестал кнутом особо непослушных коров, иногда и хозяевам доставалось. Шум, плач, ругань, крики скота... Христине было очень страшно. Чтобы привлечь к себе внимание пастуха, она высоко подняла руку с запиской и пошла навстречу шедшему рысью коню. В последний момент всадник резко осадил коня и остановился у съёжившейся и зажмурившейся от

страха женщины: «Чего тебе?» Не дожидаясь ответа, вырвал записку из её руки. Прочитав текст, от злости и возмущения сторож изменился в лице: «Да где я тебе эту корову найду? Видишь, сколько их! Пошла отсюда!!» Христина в отчаянии, не помня себя, закричала: «Та-а-ня! Та-а-ня!!!» Вдруг со стороны одного из загонв раздалось приветственное мычание, и стоящие впереди коровы бросились врассыпную. Гордо вскинув мощные рога, на забор напирала Таня – корова Христины, особа своенравная, сладить с которой не мог никто. Доить себя Таня позволяла только Христине и слушалась беспрекословно только её. С остальными же вела себя агрессивно, частенько бодалась, если что-то вдруг не нравилось. Но стоило Христине позвать корову по имени, как та сразу вскидывала голову и мчалась на зов. Так случилось и в этот раз. Таня, высоко задрвав рога, прямо через изгородь, напролом, мчалась к хозяйке. Несколько секунд пастух в оцепенении наблюдал за этой сценой; затем, будто очнувшись, крикнул, разворачивая коня к загонам: «Этого дикого зверя можешь забрать с собой. Никто так и не смог её подоить, не далась». И ускакал – сгонять разбегающихся из пролома в заборе коров.

Домой Христина шла уставшая, но счастливая. Таня, кормилица и помощница, опять с ней! Значит, шансы выжить для Христины, её детей, а самое главное – для ещё не рождённого ребёнка были высоки. Ведь Христина была на восьмом месяце беременности...

Только теперь, по дороге домой, Христина заметила, что уходящий день был не по-весеннему тёплый, опускавшееся за горизонт солнце посылало последние прощальные лучи, и всё вокруг постепенно успокаивалось и замирало в ожидании надвигающейся ночи.

О чём думала она в эти минуты? О прошлом? О счастливой жизни в Поволжье? Или вспоминала о раскулачивании, о голоде двадцатых? О том, как пришлось уехать из родного Боаро в поисках более спокойных и хлебных земель? А может, вновь и вновь вспоминала она события прошедшего дня? Или думала о будущем – что готовит оно ей и её семье, какие ещё испытания предстоит ей пройти, как будет она выживать – одна, без мужа, с новорождённым и остальными детьми? Этого она не знала.

Из воспоминаний Вильмы Константиновны Швабауэр (1925 г.р.)

В конце июня у Христины родилась дочь – Лилия. А осенью из деревни в трудармию забирали теперь уже и женщин. Тех, у кого были маленькие, до трёхлетнего возраста, дети, оставили работать в колхозе. Христина тоже осталась дома, но в трудармию забрали двух её старших дочерей: красавицу Эльвиру, на которую заглядывались многие парни в деревне, и Вильму, весёлую и доверчивую девушку. Отправили их в Куйбышевскую область – рыть окопы.

Во время зерновой поры девушкам иногда приходилось сторожить комбайны прямо в поле. Однажды вечером и Вильма заступила на такое дежурство.

Ещё не совсем стемнело, когда мимо поля по дороге проехал грузовик с солдатами в кузове. Они что-то кричали, смеялись и весело махали руками одиноко стоящей у комбайна Вильме. Через какое-то время, когда уже совсем стемнело, девушка увидела вдалеке фары от машины. Очень удивилась: в такое время посёлок никто не покидал. Почувствовав что-то неладное, на всякий случай отбежала подальше и спряталась в пшенице.

Грузовик остановился недалеко от комбайна. С него спрыгнуло несколько солдат. По всей видимости, они были чем-то разозлены. Выкрикивая ругательства, стали искать девушку: «Эй, ты где, фашистская гадина? Выходи! Сейчас мы с тобой за всё рассчитаемся!» Из обрывков разговора Вильма поняла, что один из парней сегодня получил похоронку. Она знала – ни за что нельзя дать себя обнаружить, иначе живой ей

не уйти. Затаив дыхание, вжалась в землю, замерла. Солдаты искали её под комбайном, рыскали вокруг, но было темно, и со стороны грузовика раздался гудок: водитель торопил. Тогда от бессилия и злости один из парней, открутив от агрегата какую-то деталь, со всего размаха зашвырнул её в пшеницу. Ему последовали товарищи. Кто что мог, откручивал или выламывал; детали кидали как можно дальше в поле.

Когда грузовик уехал, Вильма какое-то время ещё находилась в укрытии. Потом на ватных от пережитого страха ногах добрела до комбайна и без сил опустилась на землю. Она понимала: не найдя её, солдаты сделали так, что теперь её всё равно посадят в тюрьму или расстреляют как вредительницу. Комбайн был сломан. Девушка решила собрать разбросанные запчасти, а там что будет, то будет. До самого рассвета на четвереньках, раздирая в кровь руки и ноги, практически на ощупь, ползала Вильма в пшенице. Утром, когда привезли комбайнёра, она, холодея от ужаса, рассказала ему о случившемся. Досадливо покачав головой, комбайнёр промолвил: «Ну что ж, пойдём, посмотрим, что они там натворили». Провозившись около часа, попробовал завести машину. Вильма затаила дыхание; эти секунды показались ей вечностью. Комбайн, покашляв и попыхтев словно от обиды, с третьего раза всё же завёлся.

Так Вильма избежала трагедии для себя и, конечно для близких, которым она была очень дорога.

Сёстры Лилия и Вильма Швабауэр. Омск, 1946г.
(Фото из личного архива дочери Лилии, С. Лоскант, Германия)

После войны в трудармии стало немного полегче. Летом 1946 года Вильме разрешили на несколько дней съездить домой, провести родных. Во время этого короткого отпуска была сделана фотография двух сестёр – Лилии и Вильмы.

Война, трудармия, голод и потери близких – всё это испытала каждая семья моего многострадального народа. Выжить можно было только вместе, поддерживая друг друга до конца. В этой фамилии ещё не рождённый ребёнок спас семью от

голодной смерти – если бы не он, едва ли оставили бы им легендарную корову Таню – саму же Христину уберёг от трудармии, а брата и сестёр – от отправки в детские дома. Корова Таня, давая по 25 литров молока, спасала детей от голода.

В 1950 старших девушек отпустили из трудармии домой. Все были безгранично этому рады. Эльвира и Вильма встретились со своей матерью, сёстрами и братом. А много лет спустя дочь Лилии поведала Вам о двух эпизодах того далёкого и тяжелого прошлого...